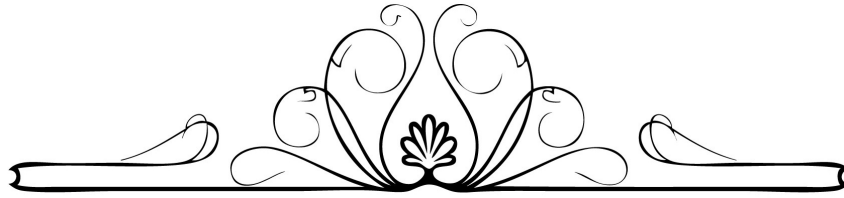


Р. Г. Назиров

Мои дополнения к петерб.
легенде



1. Тема Петербурга, «рокового города», и его изображение в качестве фона действия — вовсе не одно и то же. Действие двух первых романов Гончарова, «Тысячи душ» Писемского, романа «Что делать?» Ч-го и мн. др. происходит в Спб, но этой темы нет: город «не участвует» в конфликте. Нет этой темы нигде у Тургенева, хотя в «Призраках» дан замечательный пейзаж ночного Петербурга. — Зато очень хорошо Петербург Некрасова, неск-ко гоголевский, но...

2. В XX веке Блок и Белый. Маяковский написал «Последнюю петерб. сказку», прямо восходящую к легенде (оживающая статуя), но она оказалась не последней. Ибо затем А. Грин изобразил землетрясение, уничтожающее Спб, а Н. Тихонов воскресил один из главных мотивов легенды:

Царя-хранителя он сделал Кировым.
Архетипы сильнее философий и политич.
систем!

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идёт
(«Киров с нами»).

3. Анна Ахматова — самый петерб. поэт XX века. Особенно в «поэме без героя». Но это — только воспоминание об исчезнувшем мифе.

4. Трагедия Ленинграда во время войны. Новая слава города.

Отзывы о моей статье «Петербургская легенда и литературная традиция» (Уфа, 1975).

Она имеет такой же успех, как статья 1971 года о «Записках из подполья». Надо брать крупные темы — более общие, чем прототипы и реминисценции.

Отзыв Моисея Семёновича Альтмана в письме от 4.X.1975.

«Ваша статья «Петербургская легенда и литературная традиция» интересна и, если не утоляет к этой теме аппетита, то возбуждает его, а это, быть может, ещё лучше.

Я мог бы в связи с ней многое сказать, но ограничусь тремя только пунктами и о них скажу предельно кратко:

1) Для меня основная идея пушкинского «Медного всадника» выражается в моих стихах к Евгению:

Не стой, безумец, на ветру

Близ наводнений и пожарищ
И помни — конному Петру
Евгений, пеший, не товарищ.
17.9.67.

Видите: тут и фольклор — «пеший конному не товарищ» и «ветер», тот самый, о котором и Блок писал: «Ветер, ветер на всём божьем свете. На ногах не стоит человек...»

2) Надо было в статье Вашей уделить внимание тому, что ведь <у> самого Пушкина название поэмы не «Медный всадник», а «Медный кумир». Отсюда у Пушкина наименование Петра «кумиром» и «полубогом». Напомню ещё, что пьедестал памятника — финская кумирня.

3) Говоря о «памятнике», надо было вспомнить о двух знаменательных «зверях» при нём: коне и змее. Ведь от «коня» и «змеи» погиб даже Вещий Олег. Иными словами, и опять своими же стихами:

Владыкам Руси и России,
Как лики народной стихии,
Враждебны и конь и змея,
И именно ими двумя
Пленён я в столетий пробеге:
У скульптора и у поэта —
Петру монумент Фальконета
И Пушкина песнь об Олеге.
1.9.68

Отзыв Валентина Айзиковича Зарецкого в письме от 20.X.75:

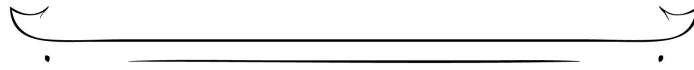
«Каждый глядит со своей колокольни. Меня более всего привлекло начало, а особенно — мысли о Петербурге и третьем Риме. Это, мне кажется, сделано у Вас очень в лотмановском духе (тезаурус культуры и литературный тезаурус). Я давно подозревал, что есть связь между «гробами с размытого кладбища» Акакием Акакиевичем конца повести, но думал, что здесь общность — в одних эмоциях. У Вас ясно показано, что это — ответвления одного сюжета.

Я выделил, впрочем, не то, что достойно развёрнутого разговора (этого в статье много больше), а то, о чём мне есть хоть немного что сказать».

Г.М. Фридендер в письме от 20.X.1975:

«Статья Ваша написана хорошо и даже щёгольски — и нам обоим понравилось.

Мелочи: не Фенгер, а Фангер (он сам себя так произносит — я специально его спрашивал). И не надо было о Шевырёве в это время так однозначно и просто: «реакционер»-де и всё».



Глоссы Семёна Григорьевича Саудо к моей статье «Петерб. Легенда и лит. Традиция» и к Достоевскому (его письмо от 18/XI.75).

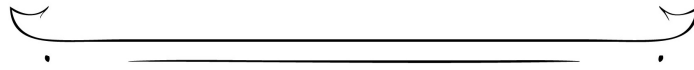
«Мы вс. Русские и нерусские, заражены одной наследственной чертой, которую на западе именуют «загадочной русской душой», «иррациональностью сознания», а мы сами скачем от мистики к сверхкаузальной рациональности, от безудержности к отрешённой замкнутости. Это я к тому, что «петербургская легенда», хотя и создавалась на пузырях прибалтийских болот, однако, и не будь Петербурга, самый дух этой «легендности» заложен в характере восприятий, чувствований, фольклора, аллегорий нашего народа, что проявлялось и в индивидуальном творчестве и не только петербургской школы. Булгаковские Патриаршие пруды — чем не переименованная на московский лад Сенатская площадь, тот же дух столкновения двух начал, тот же полёт воображения б la russe, е же качества людей, но в великорусском обличии. Поэтому и Пушкинский «Всадник», и Гоголевский «Невский проспект», и вся достоевщина, и ц «Петербург» Белого в чём-то изначально-коренном близки к тому же Борису и юродивому Пушкина, и Чеховскому Войницкому, и Кащею, и Гришке Кутерьме».

О «Дневнике писателя»: «Удивительное совмещение великого и ничтожного, гениального — и тривиального недомыслия, социального прозрения и политического провинциального недомыслия (точь в точь как рассуждения Аммоса Фёдоровича), терзающего сердце гуманизма — и мелочной, «детей ничтожных мира», въедливой нелюбви к конкретным людям. Поскольку общепризнано (в науке), что основные черты характера и личности вообще определяются в детском возрасте с некоторой качественной добавкой в период возмужалости, мне кажется, что в литературе о Д-м мало (или я просто не осведомлен) (или я просто не осведомлен) уделяли внимания изучению детских лет писателя и отроческих, а в смысле мировоззренческой надстройки поглубже бы окунуться в «Записки из Мёртвого дома» — богатейшая руда для этимологии духовного своеобразия».

«Те, кто низводят Д-го, крохоборствуют над мелочами, «в двух измерениях», п.ч. И стиль, и фабульность, и даже структурные черты произведений Д-го можно разложить на такие кирпичики, в которых сразу называется, это Гоголь, это Гофман, это «Петербургские трущобы», это Булгарин и т. д., а сплавить вместе, так это только Д-й — вот что!»

Из письма Владислава Петровича Скобелева (Воронеж, 4.I.76):

«Статью о петербургской легенде прочитал, как говорится, одним духом: понравилось. Убеждает откровенно домашнее происхождение легенды, связь с сугубо конкретными заботами и хлопотами из русской истории. Хорошо о литературном бытовании петербургской легенды — здесь радуют и соображения о том, что



условный мифологизм традиций XVIII века чужд «живому фольклору», и невесёлая, выстрадавшая до итоговости, мысль о том, как сходятся крайности, насколько опасна догматическая односторонность (Шевырёв и Печерин), и, конечно же, Ваши замечания о том, как Пушкин в «Медном всаднике» преодолевает шевырёвско-печеринскую ограниченность, переводя легенду на уровень высокой трезвости исторического сознания. Верно, на мой взгляд, прочерчена схема послепушкинского развития мотива петербургской легенды...

Однако здесь — именно схема: Вы так хорошо размахнулись, так развернули на немногих страницах свою задушевную мысль, что с нетерпением ждёшь продолжения с той же степенью одушевлённости и свободы, живости и ясности мысли и изложения, но здесь Вы словно подрезаете самому себе крылья — всё верно, но только верно, а мне как читателю, уже разбаловавшемуся на чтении Вашей статьи, этого мало.

Из частных замечаний. Я бы не стал говорить: «Старая литературоведческая школа...» (их ведь было несколько?!). Впрочем, может быть, здесь сказываются какие-то неизвестные мне специфические условия, не дающие возможность быть более конкретным?

И ещё. Вы ссылаетесь на мысль С. М. Бонди о «Трегической незавершённости» «Медного всадника». Не перекликается ли эта мысль с мыслью П. Палиевского о том, что Пётр и Евгений, конечно, противостоят, но, мол, Пушкин их сводит и не собирався, поскольку, дескать, это постоянные величины исторического процесса? По-моему, эта мысль была в статье Палиевского о Пушкине (ж. «Москва»).

К этому сводятся мои замечания, которым, может быть, стоило бы определить точности ради не как замечания, а как сомнения, возникшие при чтении внутренней близкой мне работы — работы, зрелой по мысли и, по-моему, перспективной».

Борис Фёдорович Егоров. От 2.II.1976:

«Дорогой Ромэн Гафанович, спасибо большое за присылку Ваших работ. Из «Дост. И его время» я давно прочёл, хорошо, а из сб. уфимского — впервые, и опять с большим интересом и удовольствием. И Ваши рукописные добавки очень хороши, особенно — об Ивашкеиче — истианная правда (увы, большинство поляков смотрят на «М. Всадника» сквозь призму «Дзядов»...).

Несколько замечаний.

Грубо сказано о Шевырёве 1829 г. — «реакционер» (он тогда был ещё восторженным шеллингианцем и новатором, пусть смешным, но никак не реакционером).

О Печерине слишком оксюморонно: «фантастическое равнодушие»... Уж очень Печерин был живым, страстным человеком! Что хотите: невнимание, непонимание, но не равнодушие!»

